

СОВЕТСКАЯ ПРОКУРАТУРА И СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ НА ЭТАПЕ КОНСОЛИДАЦИИ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

SOVIET PROSECUTOR'S OFFICE AND INVESTIGATING AUTHORITIES AT THE STAGE OF CONSOLIDATION OF THE SOVIET POLITICAL REGIME

**O. Vinnichenko
A. Velichko
A. Raspopin**

Summary. In this article, a study was made of the activities of the Soviet prosecutor's office in the field of supervision over investigative bodies. The main trends in the formation and development of Soviet investigative bodies are determined — the search for non-traditional forms of preliminary investigation, the improvement of investigative structures in various law enforcement agencies, the gradual release of investigators from functions unusual for them and the organization of interaction with the bodies of inquiry. The problems of personnel composition and organizational structure of investigative bodies are analyzed. In the course of the study, the shortcomings of the preliminary investigation were determined, which, together with the problems of material and financial support, significantly hampered effective investigative practice. It is concluded that the concentration of investigative powers in the hands of the prosecutor's office objectively strengthened the accusatory tendency of the preliminary investigation, which led to tragic results during the period of the repressive policy of the 2nd half. 1930s.

Keywords: Soviet prosecutor's office, investigating authorities, people's courts, criminal procedure legislation.

Винниченко Олег Юрьевич

Д.ю.н., профессор, Кемеровский государственный университет

ole.vinnichenko@yandex.ru

Величко Алексей Михайлович

Д.ю.н., доцент, Кемеровский государственный университет

vizant63@yandex.ru

Распопин Антон Владимирович

Соискатель, Кемеровский государственный университет

raspopin_prok@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье проведено исследование деятельности советской прокуратуры в сфере надзора над следственными органами. Определяются основные тенденции становления и развития советских следственных органов — поиск нетрадиционных форм предварительного следствия, совершенствование следственных структур в различных правоохранительных ведомствах, постепенное освобождение следователей от несвойственных им функций и организация взаимодействия с органами дознания. Анализируются проблемы кадрового состава и организационного построения следственных органов. В процессе исследования были детерминированы недостатки предварительного следствия, которые в совокупности с проблемами материально-финансового обеспечения существенно затрудняли эффективную следственную практику. Делается вывод о том, что сосредоточение следственных полномочий в руках прокуратуры объективно усиливало обвинительную тенденцию предварительного следствия, что привело к трагическим результатам в период репрессивной политики 2-й пол. 1930-х гг.

Ключевые слова: советская прокуратура, следственные органы, народные суды, уголовно-процессуальное законодательство.

Становление большевистского режима в процессе революционных событий 1917 г. сопровождалось кардинальным реформированием судебного устройства и системы правоохранительных органов, к числу которых относились система прокурорского надзора и органы следствия и дознания. Изначальное нигилистическое отношение новой власти к, так называемой, «буржуазной законности» наглядно проявило себя в содержании первого Декрета «О суде»: в ноябре 1917 г. институты судебных следователей и прокурорского надзора за расследованием были упразднены [1, с. 607].

Место старых структур занимали новые. Несмотря на внутреннюю противоречивость этого процесса, на основе анализа нормативных, архивных и литературных материалов можно прийти к выводу о том, что основными тенденциями становления и развития советских следственных органов были поиск нетрадиционных форм предварительного следствия с последующим отказом от них, совершенствование следственных структур в различных правоохранительных ведомствах, постепенное освобождение следователей от несвойственных им функций и организация взаимодействия с органами дознания.

По мере развития следственного аппарата перманентным изменениям были подвержены также формы и содержание надзора за расследованием преступлений: от судебного надзора к прокурорскому, от наблюдения за следствием — до полного руководства им.

Обратимся к документам. В соответствии с уже упомянуты Декретом суде № 1 от 24 ноября 1917 г. задача осуществления предварительного расследования возлагалась на судей местных судов. [2, ст. 50]. Дела, связанные с расследованием особо тяжких уголовных преступлений — убийств, разбоев, случаев фальшивомонетничества — препоручались судам окружным. Обязанность контроля за осуществлением следствия, возлагаемая на весь состав суда, реализовывалась лишь на стадиях задержания подозреваемого и его предания суду.

В соответствии с Декретом о суде № 2 от 7.03. 1918 г. дела, связанные с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, уже были отнесены к юрисдикции ревтрибуналов. Произошли изменения и в системе следственных органов: соответствующими полномочиями были наделены специально создаваемые местными Советами следственные комиссии [3, ст. 589]. К их коллегиальным полномочиям было отнесено возбуждение уголовного преследования, его прекращение, избрание меры пресечения, решения о прекращении следствия и предании суду. Надзорными полномочиями в отношении комиссий обладали создаваемые при ревтрибуналах коллегии обвинителей.

Присутствие последних также формировалось Советами рабочих и крестьянских депутатов. Его представители имели право участия в заседаниях следственных комиссий, формулировали заключения, оценивавшие полноту предварительного следствия, определяли подсудность дел. Именно члены коллегии составляли обвинительные тезисы в том случае, когда дело отправлялось на рассмотрение ревтрибунала. Коллегия могла инициировать возбуждение обвинения и сформулировать соответствующее предложение следственной комиссии. Кроме того, коллегия могла опротестовать любое решение следственной комиссии, будь то решение о направлении дела в суд, или трибунал, либо решение о прекращении уголовного преследования [4, ст. 471].

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 мая 1918 года при революционном трибунале при ВЦИК была учреждена центральная коллегия обвинителей в составе трех лиц, избираемых ВЦИК. На центральную коллегию возлагалось объединение и руководство деятельностью коллегий обвинителей при революционных трибуналах [5, ст. 520].

В соответствии с первым Положением о народном суде РСФСР функция надзора за осуществлением предварительного следствия была возложена на народные суды. К их полномочиям были отнесены вопросы определения меры пресечения, контроля за деятельностью органов дознания, дача поручений последним. Народные суды контролировали законность содержания под стражей. К их юрисдикции было отнесено принятие решений о направлении дела на доследование, его прекращение. Помимо этого, именно суд рассматривал по существу все жалобы, поступившие на решения следственных комиссий.

Отметим также, что Декретом ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 года следственные комиссии в связи с ликвидацией окружных судов были подчинены губернским (столичным) советам народных судей. Они лишались права прекращать уголовное преследование. Коллегиальные решения принимались ими по вопросам возбуждения уголовного дела, избрания меры пресечения и изменения ее, окончания следствия и предания суду [6, ст. 889].

По Положению о народном суде РСФСР от 1920 г. суды наделялись такими правами: поручать производство следствия народному следователю или постоянному народному судье; прекращать уголовное дело и возвращать его к доследованию; принимать окончательные решения по жалобам на постановления следователя [7, ст. 407].

Как видно из изложенного, правовая регламентация судебного надзора за производством дознания и предварительного следствия была недостаточной. Суды не наделялись всеми полномочиями, необходимыми для обеспечения законности при расследовании преступлений. Такое положение, порождаемое невозможностью соединить в деятельности суда функции достаточно полного надзора за следствием и осуществлением правосудия, отрицательно отражалось на состоянии следственной работы.

Развитию следственного аппарата способствовали дискуссия и решения III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, состоявшегося в июне 1920 года. Рекомендации съезда о ликвидации следственных комиссий и замене их единоличными следователями были реализованы в Положении о народном суде РСФСР, объявленном Декретом ВЦИК от 21 октября 1920 г.

Территория, на которой действовал народный суд (города, района), разделялась на следственные участки. Эти участки следователи обслуживали единолично. Участковые следователи, именуемые «народными», на-

значались и отзывались губернским исполнительным комитетом и состояли в штатах народных судов. Для расследования дел о преступлениях, совершенных на территории ряда следственных участков, а также дел, имеющих важное значение, вводились старшие следователи при губернских судах, которые состояли в штате отделов юстиции. При Верховном суде состояли следователи по важнейшим делам. Старшие следователи и следователи по важнейшим делам назначались теми учреждениями, в штатах которых они находились [8, с. 59].

Все следователи наделялись полномочиями возбуждать уголовные дела и вести следствие, избирать меру пресечения, решать вопрос о производстве обыска и выемки, о прекращении уголовного дела и предании обвиняемого суду [7, ст. 407].

Процессуальный контроль за работой народных следователей по Положению о народном суде возлагался на народных судей, хотя прямого указания на этот счет в нормативном акте не содержалось.

Вместе с тем в Положении определены следующие полномочия органов НКЮ в отношении следственного аппарата: утверждение следственных участков; участие отделов юстиции в назначении на должность следователя; изучение практики, подготовка методических разработок по расследованию отдельных видов преступлений; создание необходимых условий для решения задач, стоящих перед следствием.

В Положении о народном суде не был регламентирован порядок расследования. Этот пробел восполнил НКЮ РСФСР, издавший в октябре 1920 г. Инструкцию народным следователям по производству предварительного следствия. В ней определены задачи следствия, права и обязанности следователя, порядок проведения следственных действий, права участников предварительного следствия и их процессуальные гарантии.

Следственным аппаратом помимо органов юстиции располагали и органы внутренних дел. В марте 1920 г. по инициативе НКВД РСФСР создаются следственно-розыскные отделы и следственно-розыскные столы. Положение о рабоче-крестьянской милиции, утвержденное декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 г., предусматривает, что следователи милиции пользуются правом производства предварительного следствия в полном объеме [9, ст. 371].

Расследование дел о государственных преступлениях было возложено на ВЧК и местные чрезвычайные комиссии с момента их учреждения. В феврале 1918 года в отделах ВЧК и местных ЧК были учреждены должности следователей [10, с. 238–240].

Таким образом, в годы гражданской войны предварительное следствие осуществляли несколько параллельно функционирующих аппаратов — следственные комиссии при ревтрибуналах, а затем пришедшие им на смену следователи при судах, Всероссийская и местные чрезвычайные комиссии, позже — следователи ВЧК и ЧК, военные следователи военных трибуналов, следователи органов НКВД, и, в отдельных случаях, народные судьи и члены окружных судов.

К концу 1921 г. стала очевидной неудача предпринимаемых попыток создать нетрадиционные формы предварительного следствия и надзора за ним. Период поиска закончился реорганизацией предварительного следствия на основании правовых актов о судостроительстве и судопроизводстве и созданием прокуратуры.

Дальнейшая правовая регламентация органов следствия последовала с принятием 25.05.1922 г. первого советского УПК. Во-первых, в кодексе был впервые четко определен состав следственного корпуса — в соответствии со ст. 23 к нему были отнесены четыре основные категории следователей: следователи по важнейшим делам при Народном комиссариате юстиции, следователи при революционных трибуналах и советах судей, военные следователи и народные следователи.

Во-вторых, осуществление надзора за производством предварительного следствия, равно как и дознания, всецело возлагалось на прокуратуру. В полном соответствии с Положением о прокурорском надзоре УПК 1922 г. закрепил за должностными лицами прокуратуры право предоставлять следователям свои указания и разъяснения по вопросам предварительного следствия. Им принадлежало право окончательного решения вопросов прекращения уголовного преследования и, напротив, предания суду, инициированных дознанием. В-третьих, следует отметить, что многие нормы УПК 1922 г. были тождественны имперскому процессуальному законодательству: как и по правилам Судебных уставов 1864 г. прокурор не мог по своей инициативе закрыть дело в том случае, если оно было закончено народным следователем [11, ст. 518], а лишь мог направить проект своего постановления о прекращении в суд, который, подобно суду дореволюционному, разрешал спор между прокурором и следствием.

Новая редакция УПК, принятая ВЦИК 15.02.1923 г., расширила возможности прокуратуры в области надзора за предварительным следствием, устранив отмеченные нами выше аналогии с дореволюционным процессуальным законодательством. Более того, новые полномочия прокуроров в надзорной сфере значительно превосходили те, что были им предоставлены ранее Положением 1922 г. Теперь к компетенции проку-

ратуры были отнесены вопросы отказа в производстве дознания и/или предварительного следствия, отвода следователя и рассмотрения жалоб на его действия. Прокурор мог предложить следователю расследовать любое не подследственное ему дело иного органа расследования, отменить, либо изменить меру пресечения, давать следователю обязательные для исполнения указания о направлении и дополнении следствия, самостоятельно производить отдельные следственные действия и принимать на себя расследования по любому делу. Наконец, прокурор решал вопросы продления сроков следствия и содержания обвиняемых под стражей, приостановления, прекращения и возвращения уголовного дела для доследования, утверждения обвинительного заключения, и направления дела в суд.

Таким образом, УПК 1923 г. наделил прокурора полномочиями, необходимыми не только для осуществления надзора за исполнением законов следователями, но и для руководства в полном объеме предварительным следствием.

Постановлением II сессии ВЦИК РСФСР одиннадцатого созыва от 16 октября 1924 г. были внесены изменения и дополнения в УПК. Согласно новой редакции статьи 107 УПК надзор за производством дознания возлагался на следователя, в участке которого находился орган дознания, частично на суд, а также на прокурора.

Органы дознания должны были в течение 24-х часов сообщить о всех случаях задержания подозреваемого следователю или ближайшему народному судье. На последних возлагалась обязанность в течение 48 часов после получения сообщения подтвердить арест либо отменить его. Следователь имел право знакомиться с материалами дознания, давать указания, предлагать произвести те или иные следственные действия, рассматривать и разрешать жалобы на действия органов дознания. Кроме того, он мог пересоставить и утвердить обвинительное заключение по поступившему от органа дознания делу, направить дело в суд. На прокурора возлагался лишь «общий надзор за действиями органов дознания».

Роль прокурорского надзора за следствием усиливалась. Согласно статьям 118, 122 УПК в обязанность прокурора вменялось систематически знакомиться с уголовными делами. Отвод следователя стал разрешаться не судом, а прокурором [12, ст. 784]. «Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора», изданная НКЮ РСФСР 29 июня 1922 г., отнесла к компетенции прокурора надзор за производством предварительного следствия органами ГПУ, утверждение обвинительных заключений следователей по всем делам, по которым производи-

лось предварительное следствие, составление нового обвинительного заключения и предложения суду о прекращении дела [13, с. 73–77].

С 1922 г. активно осуществлялся поиск форм и методов прокурорского надзора, применялись меры к внедрению их в практику. К ним нужно, прежде всего, отнести следующие: введение в прокуратуре наблюдательных производств по расследуемым уголовным делам, в которых сосредоточивались копии процессуальных документов, что позволило наблюдать за законностью принимаемых следователем решений и движением дела; постоянное наблюдение прокуроров и их помощников за ходом расследования, присутствие при производстве следователем наиболее ответственных следственных действий, возвращение дел для производства дополнительного расследования, изучение окончанных дел.

Первый год деятельности многих прокуратур был сопряжен с преодолением организационных трудностей в подборе и расстановке кадров (особенно помощников прокурора низового звена), в организации обучения их методам работы, в налаживании учета.

К примеру, в Смоленской прокуратуре к началу 1923 г. в штатах отсутствовала должность помощника прокурора. По инициативе прокуратуры было выделено 15 единиц, что позволило во всех 15 уездах организовать камеры прокуратуры. Областная прокуратура производила обследование уездных камер прокуратуры, давала инструктивные указания, созывала совещания прокурорско-следственных работников, оказывала помощь по конкретным делам. В результате принимаемых мер улучшилось взаимодействие в работе органов дознания и следствия, были ликвидированы «залежи» уголовных дел, наведен порядок в содержании следственных заключенных [14, с. 31].

Прокуратурой Уральской области в 1923 г. за короткий срок был налажен учет, обеспечены регулярная проверка уголовных дел, составление планов расследования следователями, своевременное устранение дефектов и нарушений в процессе расследования. В результате сократились случаи необоснованного возбуждения уголовных дел, несогласия прокуроров с обвинительными заключениями следователей. Положительную роль в улучшении следствия играло установление практики обследования прокурорами следственных участков. В 1923 г. из 124 участков были обследованы прокуратурой области все, а некоторые по два-три раза, всего же произведено 150 обследований [14, с. 49].

Прокуратура республики регулярно проверяла состояние следственной работы и прокурорского надзо-

ра в губерниях, ее сотрудники оказывали практическую помощь на местах, проводили совещания и занятия с прокурорами и следователями, разрабатывали и осуществляли организационные меры по устранению недостатков. При проверке в 1923 г. прокуратуры Московской губернии Прокуратура РСФСР установила, что «со стороны прокурорского надзора отсутствовало непосредственное и систематическое наблюдение за ходом следствия», в связи с чем следователи допускали многочисленные нарушения уголовно-процессуальных норм. После проверки в результате выполнения рекомендаций комиссии прокурорский надзор за расследованием преступлений в уездах Московской губернии улучшился [15, с. 12].

Осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений крайне осложнялось состоянием, в котором находился следственный аппарат — отсутствием необходимой подготовки и опыта у работников прокуратуры, трудностями материального характера. То же можно сказать и о дознании. «...Обычная характеристика органов дознания,— отмечалось в обзоре деятельности прокуратуры за 1923 г.,— малограмотность, неумение составлять протоколы следственных действий, незнание элементарнейших процессуальных норм, текучесть личного состава».

В связи с громадным некомплектом на службу в милицию принимались зачастую все желающие. В ряде губерний (Новгородская, Владимирская и др.) до 17% работников дознания совершали преступления. В такой обстановке прокуратуре приходилось вести громадную работу. Ее сотрудники регулярно инструктировали дознавателей, проводили занятия, консультации, собеседования по правовым вопросам. В каждой губернской прокуратуре выделялись специальные сотрудники, осуществлявшие надзор за органами дознания. Наблюдение велось как в виде просмотра материалов расследования, так и в форме регулярных посещений мест содержания задержанных и арестованных [15, с. 18].

На уровень предварительного следствия отрицательно влияли прежде всего отсутствие специальной подготовки у следователей и те условия, в которых им приходилось работать. Характерно в этом отношении письмо следователя из Торопецкого уезда Псковской области, написанное в 1924 г. Он сообщал, что обслуживаемый им участок, диаметром в 100 верст, охватывает 8 волостей, 3 поселка и 4 железнодорожные станции. Приходится одновременно расследовать в одиночку дела о бандитизме, хозяйственных и должностных преступлениях и другие. У следователя нет лошади. На места происшествий или в исправтруддом, расположенный в 60 верстах от города, следователь добирал-

ся на попутных подводах или пешком. Нет ни курьера, ни уборщицы; он сам топит печи, заготавливает дрова, моет полы. Оклад следователя — ниже зарплаты курьера уездного исполкома [16, с. 37].

В Новгородской губернии многие следователи не имели оборудованных помещений; кабинеты не были снабжены необходимыми канцелярскими принадлежностями; у следователей отсутствовали средства на почтовые и путевые расходы. Отмечались случаи, когда оконченные производством уголовные дела из-за отсутствия денег в течение месяца не доставлялись прокурору, ожидая оказии.

Из-за низкой подготовки следователи допускали многочисленные процессуальные нарушения. Об этом свидетельствует такой факт: 20% обвинительных заключений пересоставлялись прокурорами. Нередко один следователь ввиду не укомплектованности штата совмещал работу по двум участкам без дополнительных денежных доплат за выполняемую работу [17, с. 4].

Даже в тридцатые годы подготовка следственного аппарата оставалась совершенно недостаточной. В прокуратуре Белоруссии в 1932 г. высшее образование имели 15% следователей, а в Узбекистане — 2,4%. Следователей, работавших менее трех лет, в Белоруссии было 69%, а в Узбекистане — 74% [18, л. 196, 202–205].

В 1937 г. высшее юридическое образование имели только 9,3% следователей в стране, а среднее юридическое — 31,5%. Не лучшим образом обстояло дело с текучестью кадров: следователей со стажем до 1 года работало 28,7%, от 1 до 3 лет — 33,7%, свыше 3 лет — лишь 37,6%. В Казахстане и Узбекистане эти показатели были еще ниже [18, л. 206].

На подбор личного состава работников прокуратуры отрицательно влияла материальная необеспеченность. В печати отмечалось, что это не только препятствует укомплектованию штатов квалифицированными кадрами, но и угрожает развалом всего аппарата.

Тверской прокурор доносил: «Если центр не примет в ближайшем будущем шагов, мы столкнемся с массовым желанием уйти из прокуратуры, чтобы не дискредитировать себя и учреждение».

Мизерность ставок, не достигающих прожиточного минимума, вынуждала прокурорских работников создавать артели по погрузке и выгрузке товаров, колке дров и др.

Рязанский прокурор писал о том, что один из его помощников просил уволить его, так как постоянное не-

доедание при напряженной работе сделали его инвалидом; второй помощник просил о покупке ему брюк, так как не имел возможности посещать из-за их отсутствия службу.

О материальном положении прокурорских работников свидетельствует следующее сравнение размеров заработной платы различных категорий служащих госаппарата: ставка облпрокурора составляла 40–45 рублей, руководителей равных уровней финансовых, продовольственных, земельных органов — 100–120 руб. Курьеры и машинистки госучреждений получали больше помощника прокурора и народного следователя [17, с. 7].

На V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, состоявшемся в марте 1924 г., указывалось на широкое распространение таких недостатков предварительного следствия, как: медлительность при производстве следственных действий; их односторонность; неполнота следствия; недостаточно тщательный отбор материалов, имеющих доказательственное значение по делу; увлечение исследованием обстоятельств не объективного, а субъективного характера, подчас не связанных с материалами дела; отсутствие достаточной ясности в вопросе, что именно должно составлять предмет исследования в ходе расследования. Для устранения названных недостатков прокурорам рекомендовалось при организации надзора обращать внимание и добиваться: сокращения сроков расследования; инструктирования следователей по вопросам полноты, всесторонности и качественного отбора материалов; подчинения прокурору деятельности следственно-розыскного аппарата; решительного использования прокурором своих прав и обязанностей при осуществлении надзора [19, с. 7].

В целом практики признавали, что судебно-следственная реформа 1922–1923 гг. явилась значительным шагом вперед. Вместе с тем разобщенность следственного аппарата, нахождение следователей в судебной системе, дуализм в руководстве ими препятствовали оперативному и согласованному использованию сил и средств, что отрицательно сказывалось на результатах следствия.

Пятый Всероссийский съезд деятелей советской юстиции высказался за подчинение прокурору деятельности следственно-розыскного аппарата. В 1927 г. названный вопрос стал настолько актуальным, что НК РКИ СССР было организовано изучение следственной и судебной практики и прокурорского надзора в РСФСР, УССР и ЗСФСР. В итоговом документе обращалось внимание на то, что около трети уголовных дел возбуждается необоснованно, при расследовании допускается

волопита, растет число оправданных. Кроме того, отмечалось, что следователи, поставленные законом в зависимость и от суда, и от прокурора, не получают необходимой помощи и руководства ни от того, ни от другого, и делался вывод о целесообразности подчинения следователей прокурору.

Против передачи следователей из судов в полное подчинение органов прокуратуры решительно выступал П.И. Стучка. «До сих пор,— писал он в 1928 г.,— предварительное следствие на 9/10 подчинено руководству прокурорского надзора, вследствие чего оно, естественно, уже превратилось в подсобный орган прокуратуры... Если этот недостаток хотят устранить полным (и административно-организационным) подчинением следственного аппарата прокурору, то это явно несбыточная надежда, ибо эта мера лишь усилит односторонне-обвинительную тенденцию предварительного следствия» [20, с. 122].

Вместе с тем, в резолюции III Совещания прокурорских работников, утвержденной коллегией НКЮ 9 апреля 1928 г., говорилось: «Милиция и угрозыск, следователь и прокурор должны являться звеньями единого организационного аппарата расследования по всем без исключения категориям уголовных дел». Цель создания такого аппарата — «радикальное изжитие параллелизма в расследовании, смешения функций, путаницы, волокиты и безответственности» [21, с. 17].

По замыслу авторов резолюции, единый следственный аппарат должен был выглядеть следующим образом: в каждом городе, районе создаются отдельные, самостоятельные аппараты расследования, во главе которых назначаются старшие следователи, являющиеся одновременно заместителями прокуроров; в подчинение старшего следователя предлагалось включить народного следователя, который должен был бы возглавить группу милиционеров (участковых инспекторов), а последних использовать исключительно на расследовании уголовных дел.

Прокуратурой РСФСР было разработано Примерное положение о едином следственном аппарате, но в НКВД оно не получило одобрения. После долгой переписки с НКВД по поводу организации в Москве экспериментального единого органа расследования, который так и не был создан, СНК РСФСР разрешил включить следователей судов в штаты прокуратуры Московской губернии.

По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. следственный аппарат повсеместно и полностью был передан прокуратуре [22, ст. 733]. Передача следователей из суда в прокуратуру произошла и в других

союзных республиках. Военные следователи передавались органам прокуратуры согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г. [23, ст. 106].

В масштабе СССР передача следователей в полное подчинение органам прокуратуры завершена в 1929 г., когда было издано постановление Президиума ЦИК СССР от 12 апреля 1929 г. о переводе следственной части Верховного суда СССР в ведение и штаты Прокуратуры Верховного суда СССР [24, л. 62].

Назначение и увольнение народных следователей производилось прокурором, но согласно утверждению губернского исполнительного комитета. Старшие следователи назначались в соответствии с постановлением НКЮ. Следователи по важнейшим делам прокуратор республик назначались и увольнялись прокурорами республик.

После передачи в прокуратуру бывших судебных следователей прокуратуры стали осуществлять не только процессуальное, но и служебное руководство ими, нести всю полноту ответственности за следственную работу. Это побуждало прокуратуру целенаправленно проводить меры методологического характера, организовывать школы по повышению профессионального мастерства, искать новые приемы и методы следственной работы, создавать необходимые условия материально-технического обеспечения.

Вместе с тем нагрузка следователей возросла, ибо прокуроры, особенно районные, зачастую рассматри-

вали следователей, как своих помощников. Подобная практика получила широкое распространение еще в годы коллективизации сельского хозяйства. В этот период были упразднены прокурорские участки в опытно-показательных округах, на селе оставались следственные участки. Функции расследования и прокурорского надзора возлагались на следователя, который общался с окружной прокуратурой по почте.

Таким образом, реформирование следственных органов на протяжении рассматриваемого периода завершилось полной ликвидацией независимого института судебных следователей, созданного в ходе разработки и принятия Судебных уставов 1864 г. и подчинением следователей органам прокуратуры. Данный результат полностью соответствовал общесоветской тенденции бюрократической централизации. Вместе с тем, предполагавшейся оптимизации деятельности следственных органов так и не последовало. Следователи, превратившиеся де факто в помощников прокуроров, были обременены несвойственными им функциями общего надзора. В совокупности с сохранявшимися погрешностями кадрового состава корпуса следователей, их низким образовательным уровнем, проблемами материально-финансового обеспечения данное обстоятельство существенно затрудняло эффективную следственную практику. Кроме того, сосредоточение следственных полномочий в руках прокуратуры объективно усиливало обвинительную тенденцию предварительного следствия, что привело к трагическим результатам в период «великой чистки» 2-й пол. 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. — Т. 6: Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы): монография / В.М. Сырых. — М., 2021.
2. Собрание Узаконений РСФСР. 1917. № 4.
3. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 52.
4. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 35.
5. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 41.
6. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 84.
7. Собрание Узаконений РСФСР. 1920. № 83.
8. Материалы НКЮ РСФСР. 1920. Вып. 7.
9. Собрание Узаконений РСФСР. 1920. № 79.
10. Из истории ВЧК (1917–1921 гг.). Сборник документов. — М., 1958.
11. Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. I.
12. Собрание Узаконений РСФСР. 1924. № 78.
13. Сборник циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР. — М., 1926.
14. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 48.
15. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 7–8.
16. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 14.
17. Еженедельник советской юстиции. 1923. № 51–52.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 8131. Оп. 14. Д. 77.

19. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12–13.
20. Тезисы П.И. Стучки о реформе УПК // Революция права. 1928. № 1.
21. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 18.
22. Собрание Узаконений РСФСР. 1928. № 117.
23. Свод Законов СССР. 1929. № 73.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 8131. Оп. 6. Д. 71.

© Распопин Антон Владимирович (raspopin_prok@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

